

А.В. Дулов

**«НЕ РУБИ СУК, НА КОТОРОМ СИДИШЬ».
Народные традиции охраны природы
в России X–середины XIX вв.**

Может показаться, что человек начал заботиться об охране природы сравнительно недавно: ведь и сейчас мы далеки от рационального, бережного отношения к природе, а в древние времена, когда территория России была гораздо слабее заселена, о восстановлении природных экосистем должны были заботиться еще меньше, чем ныне. И если в целом с таким представлением согласиться можно, то нельзя забывать и о том, что в случаях, когда природные богатства могли оскудеть, или состояние окружающей среды ставило под угрозу здоровье человека, наши древние предки проявляли умение разбираться в экологических проблемах и решать их.

Еще до образования древнерусского государства применялись меры, имевшие экологическое значение. Так, ослабить угрозу эпидемий и эпизоотий помогали захоронения в земле покойников и умершего от болезней скота. Древние люди стремились не допускать лесных пожаров вблизи своих жилищ.

Язычество, которое было древнейшим верованием почти всех народов, живших на территории России, обожествляло силы природы. Некоторые из религиозных представлений и обычаев тех времен имели природоохранительное значение. Древние славяне почитали источники, роши и отдельные деревья, озера. В восточноевропейской топонимике до сих пор сохранилось огромное количество «святых озер», «святых рощ», получивших эти названия еще в дохристианское время. Особенно почитался дуб, как очень прочное, мощное и долговечное дерево, типичное к тому же для древнерусской лесостепи. Миновав опасные Днепровские пороги, караван судов останавливался у острова Хортица (в районе нынешнего Запорожья), где русы должны были по-

молиться. Византийский император Константин Багрянородный в середине X в. так описал этот обычай древних русов: «Пройдя это место (т.е. переправу. — *А. Д.*), они достигают острова, называемого Святым Георгием, и на этом острове совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные приносят куски хлеба, мяса и что имеет каждый, как требует их обычай». Такие огромные священные дубы, а также сосновые и березовые рощи нередко сохранялись столетиями даже после принятия христианства. Считались священными в языческое время и княжеские и дружинные курганы, насыпанные при захоронениях в IX–X вв.

С языческих же времен установилось покровительство некоторым видам птиц. Древнерусский фольклор большое внимание уделяет журавлям. По предположению академика Б.А. Рыбакова, особое отношение жителей Руси к журавлям объяснялось их необычными брачными танцами. Кроме журавлей «божьи-птицами» считались на Руси также аисты, голуби и соловьи. При описании событий 946 г. летопись упоминает, что в городе Искоростене было много голубей и голубятен. Уже в христианских текстах XII–XIII вв. слово «голубица» употребляется в переносном значении как непорочное, чистое, святое существо. Благодаря своим певческим качествам одним из излюбленных героев русской письменной литературы издревле стал соловей. Уже автор «Слова о полку Игореве» сравнивает древнерусского певца Бояна с соловьем. По-видимому, несколько позже возникает покровительственное отношение к скворцам. Скворечники в России известны с XIII в.

Рано возникли на Руси элементы природоохранного законодательства. Хотя в большинстве случаев эти законы были направлены на охрану природных богатств для феодальных владельцев, эти законы в ряде случаев были связаны с народными традициями. Кроме того, как увидим ниже, были случаи, когда и сами народные массы создавали природоохранные постановления. В Краткой Русской Правде, составленной в XI в., одна из статей предостерегает от поджога или грабежа княжеской борти (улья в дупле бортного дерева). Виновный рисковал остаться без трех гривен — такой же суммы, которая была установлена за

кражу княжеского коня. В Пространной редакции Русской Правды, возникшей в XII в., статьи 62 и 63 были направлены против браконьеров, ловивших бобров в чужих владеньях: «62. Аже украдет кто бобр, то 12 гривен. 63. Аже будет росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати татя ли платити продажу».

Эти статьи хорошо поясняет грамота литовского князя Витовта 1453 г., где говорится: «где берег великого князя сумежный з боярским, туто гонити бобры. И бобровником великого князя и боярским и поделити бобры по старине, а ситей и рожнов и осок бояром не держати и поколода и кошов не ставити. А где княжеский или боярский берег особый, а великого князя берег не пришел, туто им ставити поколодвы и ковши, и собаки держати, и сети, как мога, так бобра им ловити».

В Литовском княжестве, значительная часть населения которого тогда составляли русские, многие нормы обычного права, а также законы, были сходны, и этот отрывок свидетельствует о том, что охотиться в чужих владениях запрещалось, нарушителей их отыскивали по сетям, другим оставленным ими ловушкам или следам и заставляли платить штрафы («продажу» по Русской Правде).

66 статья Пространной редакции Русской Правды санкционирует «12 гривен продажи» за уничтожение дуба «знаменного или межного» т.е. обозначавшего границу владений.

Наказание за нарушение этих законов и обычаев могло оказаться очень суровым. Княжеский гнев мог обрушиться на человека, охотившегося в его владениях. Известно, что княгиня Ольга в 946–947 гг. определила в землях древлян и новгородцев места княжеских охот («ловища ее суть по всей земле»). В 975 г. произошло связанное с ними трагическое событие между древлянским князем Олегом и сыном киевского воеводы Свенельда. Вот что говорит об этом «Повесть временных лет»: «Лов деюще Свеналдичю, именем Лют, ишед бо ис Киева гна по звери в лесе. И узаре и (его. — А. Д.). Олег, и рече: «Кто се есть?» И реша (ответили. — А. Д.) ему: Свеналдич. «И захав, уби его, бе бо ловы дея Олег». Известен также случай, когда браконьером оказался князь, который был наказан за это «увольнением» от своей должности. В XIII в. новгородцы, при-

глашавшие к себе князей на определенных условиях, заключали три договорных грамоты с князьями. Один из пунктов договора запрещал князю охотиться на кабанов в радиусе 60 верст от Новгорода. Так как князь Ярослав Ярославич, принявший эти условия, их нарушил, новгородцы заявили ему в 1270 г.: «Ты, княже, неправду почто чиниш и многи ястребы и соколы держиши? Отъял еси у нас Волхов гоголиными ловцы и иные воды утечьими ловцы... и иные многие вины твои, княже, не можем терпеть твоего насилия, поиди, княже, от нас добром, а мы себе князя добудем».

Идеи, связанные с охраной природы, высказывали и некоторые церковные авторы. Духовенству предлагалось слишком азартных охотников наказывать епитимьей. В «Домострое», замечательном памятнике русской назидательной литературы XVI в. автор, в числе прочих, осуждал и следующие примеры «нехристианского жития»: «кто чужую ниву попахал, или лес посекал, или землю переорал, или луг перекошил, или ловлю рыбную переловил, или борти или перевесье (сети для ловли птиц, натягивавшиеся между деревьями. — *А. Д.*) и всякую ловлю, и всякое угодые неправдою и насилием сотворит...».

Традиции охраны природы продолжали развиваться и позже, после образования Русского централизованного государства, в XVI–XIX вв. И в это время продолжали сохраняться русскими «святые озера», и ключи, теперь уже освященные не языческими, а христианскими воззрениями. Удмурты, мари и другие народы Поволжья, (также как и ряд сибирских народов), охраняли священные рощи, располагавшиеся обычно на холмах. Эти рощи, как считалось, отражают творческие силы природы. Государственные крестьяне стремились предпринимать меры, препятствовавшие чрезмерной вырубке лесов. Меньше к этому были склонны крестьяне помещичьи, не считавшие преступлением порубку барского леса. К XVIII–XIX вв. были выделены крупные участки лесов, получивших значение заповедных. Инициаторами таких решений чаще всего выступали государственные органы, но нередко леса становились заповедными в силу сложившейся традиции, поддерживавшейся народом. Так, Тульские засеки, имевшие в XIV–XVI вв. военное значение, всякая хозяйственная деятельность в которых запрещалась, в XVIII–на-

чале XIX вв. приобретают значение заповедных. Кроме этих лесов, до наших дней сохранились участки Лосинового острова под Москвой, древние дубовые насаждения на Ильиной горе (Курмышский уезд Симбирской губернии) и др. Впечатляют Диканьские леса князя Кочубея в Полтавской губернии, состоящие из дубов трехсотлетнего возраста.

В XVII—середине XIX вв. природоохранительную деятельность вело правительство, издавшее за это время более 500 законов и указов по регламентации использования природы, из которых выполнялись лишь немногие; помещики, заинтересованные в сохранении собственных угодий; крестьянские массы. Существовало общественное движение, проявлявшееся и в практических делах, и в научной разработке экологических проблем, и в их пропаганде. К середине XIX в. по этой тематике было опубликовано не менее ста статей и специальных работ.

Что же касается крестьянских масс, то они понимали необходимость поддержания и сохранения основных элементов экологической среды, чтобы обеспечить длительное и стабильное существование различных отраслей народного хозяйства. Конечно, не следует преувеличивать отлаженность и отрегулированность этого механизма: далеко не всегда и везде крестьяне вели щадящую эксплуатацию природных ресурсов. Однако именно общинное, народное хозяйствование способствовало длительному, в течение нескольких сот лет, существованию крестьянских хозяйств, базировавшихся в целом на одних и тех же типах природных ресурсов. Эта массовая деятельность направлялась авторитетом крестьянских миров и выработанными многовековым опытом народными традициями.

Особое значение имели те особенности хозяйствования, которые способствовали повышению или сохранению качества и структуры полей. Важнейшим средством поддержания плодородия почв, кроме внесения удобрений, было временное обращение пашни в залежь или пар. Кратковременный вывод поля из активного хозяйственного использования позволял восстановить качества почвы. С целью изменения структуры почв крестьяне улучшали песчаные почвы внесением в них глины, а глинистые — добавлением в них песка. Если песчаные поля были

расположены на склоне, их нередко пахали поперек склонов, чтобы задержать воды и предотвратить эрозию почвы. Песчаные поля, в отличие от глинистых, старались вспахивать относительно глубоко только раз в два–три года. В низких местах проводилось осушение полей. Поддержанию равновесия в природной среде способствовало и то обстоятельство, что община стремилась сохранять стабильность всех хозяйственных угодий. Запустевшие поля зарастали сорняками, кустарником, лесом, неиспользуемые сенокосы становились менее качественными. Поэтому община старалась использовать все угодья, особенно в северных уездах. Предохранению почв от эрозии способствовало то обстоятельство, что крестьяне на Севере не расчищали под пашни сосновые леса на песках.

В крупнейших городах для предохранения почвы от размыва прорывались специальные водоотводные каналы, деревянные трубы. Укреплялись берега рек. Известно, что в 1200 г. было закончено строительство каменной подпорной стены, которая предохраняла собор Выдубецкого Михайловского монастыря, расположенного около Киева, от размыва водами Днепра. Судя по оценке летописца, это сооружение, воздвигнутое под руководством известного древнерусского зодчего Петра Милонага, было для своего времени крупным техническим достижением: «Заложи стену камени под церковью святого Михаила у Днепра на Выдобычи. О ней же мнозе не дерзнуша помыслити от древних..., изобрете бо подобна делу художника». В Москве уже в XVI в. берега рек и прудов укрепились деревянными набережными, а для отведения воды стали строить глубокие поглощающие колодцы. Специальные меры для охраны полезных ископаемых принимались народными массами в это время редко.

Активно занимались в России и лесоразведением, которое имело особое значение в южных малолесных районах. Так, лес сажали в низовьях Днепра запорожские казаки. П. Паллас в 1770 г. видел в Тагильском заводе на Урале кедры, посаженные более 40 лет назад; около Тагила у подошвы горы Магнитной росли молодые кедры, которые для их сбережения были даже огорожены частоколом. В тех местах, где леса было мало, население тщательно собирало оставшиеся от порубки леса сучья

и ветви, тем самым предохраняя леса от захламления. Так поступали в Усманском лесничестве Тамбовской губернии, в Погонном Лосином Острове Московской губернии. Способствовали охране природы и некоторые ограничительные тенденции в собирательстве. Например, в Шадринском уезде Пермской губернии строго соблюдали срок выхода общины на сбор дикорастущего хмеля. Все должны были начинать сбор хмеля одновременно, нарушители подвергались таким же наказаниям как за воровство.

Население страны проявляло заботу также об охране водных и рыбных ресурсов. Несомненна подобная роль ветряных мельниц, известных в России начиная с XVII в., и весьма распространенных в XVIII–XIX вв. Известный естествоиспытатель конца XVIII в. В. Зуев, подчеркивая преимущества ветряных мельниц с точки зрения экологии, говорил, что при их строительстве «... реки и речки останутся в естественном своем положении, и жителям, сверх здоровой воды, захождения из больших рек рыбы, в известное время еще могут доставить по рекам свободное хождение, по крайней мере, на лодках».

Предпринимались меры по охране рыбных ресурсов. Нередко подобные действия местного населения оформлялись затем специальными законами. Так было в первой половине XIX в. на Байкале, в бассейне Дона, в Черноморском казачьем войске. Рыбопромышленники Каспия по собственной инициативе установили правило, которым запрещалось ловить рыбу в прибрежной зоне на глубине менее 3 сажень. Этот запрет был установлен до 1819 г. и тщательно соблюдался рыбаками. В 1840-х гг. он был подтвержден законодательно.

На некоторых заводах и мануфактурах стремились избежать потерь ценных материалов, что одновременно сокращало засорение почвы промышленными отходами. В частности, на Тульском оружейном заводе при опробовании ружейных стволов стреляли в вал из мокрого песка. Этот песок время от времени просеивали, свинец из него извлекали и вновь переливали в пули.

Итак, еще до середины XIX в. населением России был накоплен большой опыт охраны природы. Крестьянством и горожанами были найдены рациональные методы сбережения паш-

ни, охраны растений, регламентации охоты и рыбной ловли, покровительства некоторым видам птиц, способы укрепления берегов рек, предохранения городских почв от их разлива, и т.д. Появлялись памятники природы, возникала природоохранная литература.